

зеть мою дочь, за того ее за мужъ отдамъ!» Вотъ этотъ купецъ привозитъ ее, выгрузился изъ корабля, царь ихъ принялъ такъ хорошо.

На другой день и Иванъ царевичъ пріѣзжаетъ; тутъ и няньку свою встрѣтилъ. Нянька ему и говоритъ: «что это вы такъ долго не пріѣзжали, говоритъ?—Черезъ три дня будетъ свадьба!»—Иванъ царевичъ и спрашиваетъ: «какъ бы мнѣ видѣть ее?» Вотъ, говоритъ, какъ: ступай, сиди въ саду, тамъ ты ее можешь видѣть. А будетъ свадьба, приходи на свадьбу, махни вотъ этимъ платкомъ.» — Онъ такъ и сдѣлалъ. Приходитъ свадьба. Стали ихъ вѣнчать, онъ и махнулъ платкомъ. Она увидѣла, упала въ обморокъ. Сейчас послали за докторомъ, привели ее въ чувства. Она и говоритъ: «это не купецъ меня избавилъ, а вотъ онъ! Онъ меня избавилъ отъ аду, я за него и замужъ пойду; а того, говоритъ, разстрѣляйте!» Вотъ они и обвѣнчались, стали жить да поживать.

(Записана мной въ Нижегород. губ., Ардат. у., с. Котовскъ)

110.

ЦАРЕВНА - СТРАННИЦА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь съ царицей. Не было у нихъ дѣтей. Пріѣхали придворные въ гостинницу и разговариваютъ: «все бы въ нашемъ царствѣ хорошо, только у государыни дѣтей нѣтъ.» И сидитъ странникъ-пророкъ. «Нѣтъ, говоритъ, ваша государыня въ тягости!»—Какъ ты говоришь? Мы всегда при дворѣ царскомъ, да не знаемъ. «Нѣтъ, говоритъ, она родитъ дочь, и какъ пятнадцать лѣтъ ей минетъ, она будетъ вездѣ летать — странствовать!» — Что за пророкъ такой!... Сейчас его схватили, заперли въ чуланъ. Пріѣзжаютъ они къ государю, докладываютъ, что «поѣхали мы вчера домой,

заѣхали въ гостинницу; встрѣтили тамъ пророка, пророчить, что у васъ родится дочь и въ пятнадцать лѣтъ будетъ вездѣ летать-странствовать!» — Привести его сюда! — Привели его къ государю. Онъ, что тогда говорилъ, и тутъ тоже сказалъ. — «Посадить его въ темницу на пятнадцать лѣтъ!»

Черезъ нѣсколько времени царица и говоритъ царю: «чувствую, говоритъ, я, что я въ тягости!» — И приказалъ царь въ землѣ выстроить комнаты, чтобъ она (дочь) тамъ жила, день и ночь все съ огнемъ и чтобъ мужскаго пола не видала. Родилась дочь, какъ окрестили ее, такъ въ землѣ и держали. И государь приказалъ, когда она почиваетъ, докладывать ему; ему доложить, онъ придетъ и посмотритъ на ея красоту и такая красота, что ни вздумать, ни взгадать. Такъ растетъ она не по днямъ, а по часамъ. Разныя мамзели изъ разныхъ земель учатъ ее, ходятъ за ней — день и ночь все съ огнемъ и не даютъ ей знать, что мушны есть на бѣломъ свѣтѣ. Время идетъ, становится ей пятнадцать лѣтъ.

Сдѣлался у государя балъ: и такое множество гостей. Нянюшки, мамушки пошли туда обѣдать: всякому хочется посмотреть, а она (царевна) почивала; проснулась, пошла ходить. А дверь то послѣднюю не затворили; свѣтъ-то и видно; видитъ она необыкновенный свѣтъ. Она такъ удивлялась, горько плачетъ! Вышла на дворъ, смотреть на всѣхъ такъ зорко. Видитъ: калиточка въ садъ, она пошла туда. Пошла въ садъ дальше и дальше, зашла въ такую трущобу, сидитъ и плачетъ.

Пришли назадъ барыни — мамзели: нѣтъ царевны, царевна бѣжала!... «Ахъ, батюшки!... Кучера, не видали ли кого?» — Стояла, говорятъ, какая-то барышня на крыльцѣ, все плакала; пошла, говорятъ, въ садъ. Бросились всѣ въ садъ;

искали, искали, нашли... Эдакая радость!... Стали ее уговаривать: «пойдемте въ свою комнату!»—За что же, говорить, я сижу, не вижу дневнаго свѣта?—«Не только вы, говорятъ, но вотъ такой-то царскій сынъ также сидитъ: на него никто женскаго пола не можетъ смотрѣть!» Утѣшилась она этими словами, пошла домой. «Вотъ, говорятъ, сегодня папашенька вашъ уѣдетъ, мы вамъ все покажемъ.»—

Уѣхали государь съ государыней, эти мамзели ходили, ходили съ ней (царевной) по дворцу. Видитъ она: лежитъ въ клѣткѣ жаръ-птица мертвая; спрашиваетъ, что это такое «Такъ, говорятъ, она цѣлый день спитъ крѣпко, а по ночамъ на ней папашенька летаетъ»... Идутъ дальше, отперли кабинетъ. Тамъ множество портретовъ... Она и спрашиваетъ: «который же портретъ того-то царевича?» «Да вотъ, говорятъ, закрытый-то!» Открыла она, ахнула. «Можетъ ли, говорить, быть такая красота?» И задумала она тутъ летѣть къ этому царевичу на жаръ-птицѣ. Пришла домой, легла съ вечера почивать рано, заснула. Вдругъ всѣ видятъ, что она почиваетъ, легли спать.

Приходитъ полночь. Встала царевна, взяла пучекъ цвѣтовъ, тихонечко вышла. Часовые окликаютъ: «кто идетъ?»—Царевна!... Пропустили ее, прошла во дворецъ, прямо къ жаръ-птицѣ; жаръ-птица огромная сидитъ, крыльями машетъ. «Я, говорить, къ тебѣ, жаръ-птица; нельзя ли мнѣ вотъ туда-то слетать?» Ну, говорить, это первая твоя просьба, послужу тебѣ, послужу!... Сѣла царевна на нее, полетѣли; летѣли, летѣли; прилетѣли въ огромный лѣсъ, тамъ два града каменныхъ, и 12 человекъ солдатъ на часахъ другъ дружку перекликаютъ. Какъ свистнула жаръ-птица, всѣ эти часовые попадали... Жаръ-птица на окно влетѣла: а онъ (царевичъ), какъ книжку читалъ, такъ и заснулъ. И онъ во снѣ чувствуетъ и будто видитъ эту красоту... Она его

всячески тревожила, будила... Нѣтъ, почиваетъ крѣпко... Жарь-птица говоритъ: «полетимте назадъ.» Нечего дѣлать, бросила пучекъ цвѣтовъ ему на грудь, полетѣла.... А этотъ сонъ-то жарь-птица же на него напустила. Только онѣ улетѣли, царевичъ проснулся, спрашиваетъ часовыхъ: кто былъ? Часовые божатся, клянутся: «никого не видали!»... А тѣ назадъ прилетѣли рано, часа въ два.. Она опять также прошла на свое мѣсто: всѣ спать крѣпкимъ сномъ... И жарь-птица сѣла въ свою клѣтку.

Всѣ нянюшки, мамушки утромъ встаютъ. «Что-то, говорятъ, долго наша царевна почиваетъ!»... Встала она поздно, невеселая, такая невеселая ходить. «Ахъ, говорить, какой день долгій!» Ночью, какъ всѣ уснули, опять во дворецъ. «Милая жарь-птица! свози еще разъ!»—Ну, садись, говорить; дѣлать нечего!—А царевичъ такъ строго, такъ строго приказалъ караулить!... Самъ читаетъ книгу, слышитъ: какъ часовые пѣли, говорили; а какъ жарь-птица свистнула—такъ и заснули... Только жарь-птица къ нему подлетаетъ; и онъ самымъ тонкимъ сномъ спитъ, все слышитъ, видитъ ее; только глазами не можетъ вскинуть!—«Ахъ, Иванъ царевичъ! какой ты спящій! Я за тысячу верстъ летаю, а ты все спишь»... Жарь-птица и говоритъ: «пора ѣхать!»—Жарь-птица, позволь хоть четверть часа остаться!... Плакала она, будила его, оставила ему платокъ весь въ слезахъ, полетѣла обратно... И солдаты вскочили и царевичъ вскочилъ... «Что же это со мной?»... У часовыхъ спрашиваетъ: кто былъ?—«Никого не было.» Прилетѣли тѣ домой, еще не свѣтало; жарь-птица пошла на свое мѣсто и царевна на свое.

На другой день она долго, долго почивала... Мамки и думаютъ: «она все не веселая; вѣрно, тоскуетъ.»... Прошелъ день, приходитъ ночь. Опять царевна приходитъ къ жарь-птицѣ... «Жарь-птица! свози ты меня къ нему въ послѣдній

разъ; позволю только мнѣ съ нимъ поговорить. А тамъ папашенька прїѣдетъ, нельзя будетъ...» Согласилась жарь-птица; полетѣли. Часовые какъ караулили, такъ и заснули; подлетаетъ жарь-птица къ нему; онъ такъ тонко спитъ.... Жарь-птица полетѣла выше, на крышу... Онъ и проснулся... «Ахъ, говоритъ, это ты, другъ милый, была у меня!» Оба плакали, плакали; обручились перстнями... Дали другъ другу честное слово: ровно черезъ годъ прїѣзжать ему сватать.... Нѣсколько разъ торопила жарь-птица, сѣли, полетѣли... Летѣла жарь-птица... Стало свѣтать... Она все ниже, ниже, пала на землю.

Вотъ эта царевна плакала, плакала; забыла, что жарь-птица только днемъ умираетъ, взяла отрѣзала ей крылышки; яму вырыла, закопала жарь-птицу, а крылышки себѣ подвязала, чтобъ легче идти.... На дорогѣ встрѣтились съ странницей, помѣнялась верхнимъ платьемъ... Идетъ дальше. Приходитъ въ одно государство, остановилась у хозяйки. «Что, говоритъ, у васъ трауръ?»—Да былъ—говоритъ, у царицы одинъ сынъ да и тотъ безъ вѣсти пропалъ... Узнала объ этой странницѣ царица, приказываетъ ее, спрашиваетъ: какаго вы рода?—Купеческаго, говоритъ.—«Должно быть, вы ученныя?»—Да, говоритъ, такъ вотъ странствую, сколько захочется... Что это, говоритъ, у васъ за трауръ?—«Да вотъ былъ у меня всего одинъ сынъ, и тотъ, какъ въ кабинетѣ спалъ, такъ и пропалъ!» Позвольте, говоритъ, мнѣ въ этомъ кабинетѣ спать, гдѣ онъ пропалъ... «Ну, чтобы вы еще пропали!...» Нѣтъ, говоритъ, позвольте!—«Если угодно, извольте!»—Осталась она въ кабинетѣ ночевать. Ночью нянька приходитъ, открываетъ ларецъ, вынимаетъ три прута серебряныхъ да золотыхъ, стала по стѣнѣ хлопать: выходитъ оттуда королевскій сынъ, она его мучила, мучила; била, била; снова загнала, заперла, а странница все видитъ...

Приходить утромъ къ ней царица: она жива. «Что покойно ли почивали?»—Я, говорить, осмѣлюсь доложить: нельзя ли няню куда отсюда на время удалить?... Царица приказала заложить карету. «Няня! поѣзжай министра поздравлять; онъ сегодня именинникъ!» Няня поѣхала, а эта странница взяла воды принесла и огня... «Позвольте, говорить, вотъ этотъ ларецъ отпереть!»—Открыла, достала золотые и серебряные прутья, взяла по стѣнѣ три раза хлопнула серебрянымъ прутомъ, стѣна разодвинулась; золотымъ ударила, Иванъ царевичъ идетъ... Вышелъ онъ; она опять по стѣнѣ серебрянымъ прутомъ ударила, стѣна задвинулась... Государыня пала въ обморокъ; она курить, вспрыскиваетъ, привела ихъ въ чувство. Приказали эту няньку растрѣлять.... Царевичъ понемногу опомнился, предлагаетъ ей выйти за него за мужъ... «Нѣтъ, говорить, я странствовать пошла; мнѣ нельзя выходить за мужъ!»

Пошла она дальше; шла, шла; приходитъ въ другое государство; и здѣсь все въ траурѣ ходитъ. Пришла она къ женщинѣ къ одной, недалеко отъ дворца, спрашиваетъ: «отчего это у васъ такой трауръ?»—Да у насъ, говорить, у государыни сынъ съ ума сошелъ; каждую ночь по человѣку ѣстъ.—Вотъ эта странница приходитъ къ царю. «Ваше царско величество! позвольте мнѣ стать на часы!» Она и говоритъ: чтобъ онъ еще васъ съѣлъ?.. Вѣдь, онъ каждую ночь съ ума сходить, на цѣпяхъ сидитъ. Стала она на часы; въ 12 часовъ онъ на нее бросился; у ней жаръ-птицы крылышки подвѣшены, крылышки встрепенутся, онъ и сядетъ... Во второй разъ бросился, тоже. Въ 3-й разъ бросился, огонь и погасъ. Она ушла изъ комнаты за огнемъ и видитъ въ полѣ огонекъ, пошла туда съ фонаремъ. Идетъ, видитъ: сидитъ старуха-волшебница, передъ ней котелъ кипитъ, подъ котломъ огонь... «Что, говорить, это у тебя такое?»—Какъ

этотъ котелъ кипить, въ немъ сердце Ивана царевича и бѣсится.... «Бабушка, достань мнѣ огонька!»—Возьми сама, говоритъ. Та стала доставать; какъ палочкой кипяткомъ изъ котла брызнетъ въ глаза этой волшебницѣ; та и упала. Видитъ эта странница: точно, въ котлѣ сердце Ивана царевича... Приходитъ она съ фонаремъ въ горницу, а онъ на цѣпяхъ и не шевелится. «Благодарю, говоритъ, что огня принесла. Что это я, говоритъ, на цѣпяхъ?»—Такъ и такъ, вы съ ума сходили: людей ѣли... Самъ себѣ удивляется... Посылаютъ утромъ придворные нянюшку посмотрѣть, да косточки прибрать... Видятъ: она съ нимъ разговариваетъ. Такъ обрадовались всѣ. Онъ ее проситъ за него выйти за мужъ... «Куда, говоритъ, мнѣ лѣзть въ царскую фамилію?»—Даютъ ей денегъ, не беретъ... «Довезите, говоритъ, меня вотъ да такого-то царства! (т. е. до своего-то)» Отбилась отъ этого жениха, поѣхала.

Пріѣзжаетъ домой; а женихъ ужъ два дня какъ пріѣхалъ. Такъ всѣ рады были; веселымъ пиркомъ да и за свадьбу. Стали жить да поживать.

(Записана мной отъ старушки О. С. Котышевой въ с. Ботовъ, Ардат. у., Нижегород. губерніи.)

111.

ВАНЮША.

Жили были старикъ со старухой, больно стары, и дѣтей у нихъ не было *вовсе*. И была у нихъ лошадь тоже старая. Только родился у нихъ сынъ, и лошадь ожеребилась. Подумали старикъ со старухой: «мы, говорятъ, очень стары; гдѣ намъ его (мальчика) кормить?» Взяли положили мальчика подъ кустикъ, а жеребенка къ кусту. Ъдутъ извозники. Одинъ извозникъ зашелъ въ лѣсъ, нашелъ этого ребенка, навзаль его Иваномъ, взялъ его къ себѣ. Жилъ